

www.promegalit.ru

маргарита ерёменко
всё осталось здесь
книга стихотворений

поэтическая серия
«только для своих»

маргарита ерёменко

ВСЁ ОСТАЛОСЬ ЗДЕСЬ
книга стихотворений

Евразийский журнальный портал «Мегалит»
2016

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=2Рус) 6-5

Маргарита Ерёмко. Всё осталось здесь: книга стихотворений. - сер. «Только для своих» - Евразийский журнальный портал «МЕГАЛИТ» - Кыштым, 2016 г. - 80 с.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=2Рус) 6-5

ISBN 5-87039-087-26

© Маргарита Ерёмко, стихотворения, 2016

© Александр Петрушкин, предисловие, дизайн, верстка, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

И будет день. И будет снег /9/
Девочка-полуночица /10/
Зачем мне твои дороги /11/
Был редкий день, когда открыв глаза /12/
Только снег и песок, только снег /13/
Молчишь. Ну, а я где-то между двух точек на карте /14/
Отпускаю. Такси – на «Северный» /15/
В январе я тебя проживаю как свет /16/
Тебя проживать как свет /17/
Будем снова – снежные городки /19/
А тебе что оставить? Память ли? /20/
Два замочка на двери /21/
Обернется пропастью /22/
Пока, говорю, пока /23/
Русские по снегу /24/
Километры ржавой крошки /25/
...называй это время исповедью моей /26/
Я буду марки покупать в киоске /27/
Номер, с которого ты звонил /28/

Тогда ты поймешь, как я дошла одна /29/
Тянется тонкая нить /30/
Получи по заслугам: теперь все сестры с серьгами /31/
когда подойдет январь /32/
Зацепились одной свечкою в лесу /33/
Говорю тебе не потому /34/
кто там идет каймою /35/
Как ложкой скребут по тарелке /36/
ни женой ни твоей ни его /37/
Грозowymi плечами /40/
...обернувшись сглатываешь сушу /41/
Чудотворное оно дерево /42/
говоришь я еще живой /43/
Печальные после любви /44/
...теперь и я должна ответить за заколоченные гвозди /45/
... почему-то ты пишешь не я /46/
Вот такая она, свобода /47/
А ты говоришь: «Вставай!» /48/
по лопаткам по твоим девочка /49/
Дивная моя птица /50/
Любовь моя – тоже мне девочка /51/

и в воздухе сыром /52/
дочь моя плавает в твоей ванной /53/
Тихая моя – ты /54/
К вечеру затоскуешь /55/
Обмани меня – брось ее, и приходи ко мне /56/
Ни марта, ни февраля /57/
я расправляю небо /58/
Имя звучит – речь /59/
Как у тебя живот /60/
Отпускаешь, идешь, идешь /61/
где плыли днем два раскаленных тела /62/
А на поверку вышло – только ты /63/
...и это все: звенящий колкий воздух /64/
И дерево растет, как дерево – вовне /65/
Такое в ноябре обычно снится /66/
ПОЛКОВНИК /67/
Любовь моя тоже /70/
Я пишу, а в Каслях, говорят, дожди /71/
СНЯЩЕМУСЯ ПОД УТРО /72/
Ни снега, ни воды не надо /73/
Вечно вот так вот первая /74/

Тьма растёт под окнами /75/

Стеной стоит вода /76/

Выучив твои родинки /77/

ДЕФРАГМЕНТАЦИЯ ИМЕНИ

Регулярно задаю своим собеседникам вопрос: что такое поэзия? Что такое стихотворение? В процентах девяноста – следуют стандартные «технологические» ответы, касаемые «отличия ямба от хоря», но не по сути, собственно, явления. А поэзия, в моём понимании, и есть явление природы. Причём, природы – не в нынешнем её, весьма поверхностном, лицемерии, а, скорее, как части религиозного мирозидания. Достаточно вспомнить, что в авраамических верованиях основным поручением для человека является называние предметов, то есть наделение их сущностью («Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей»). И в этом смысле вряд ли кто более, чем поэт, приближается к исполнению поручения. Не про это ли пишет Маргарита Ерёмченко?

*... складочки твои вызубрив
словно свои грехи
я поняла любовь твою –
это мои стихи.*

Мир при назывании его истончается, становится прозрачнее, невидимым, но более детальным, и каждое существующее в нём нуждается в имени. Потому, вероятно, наиболее точными являются стихи, которые о самом меньшем из открывшегося, поскольку оно же и есть большее. Чтобы чуть более объяснить последнее утверждение, предложу вспомнить о расширяющейся вселенной – и тогда мы увидим, что предметы, которые на переднем плане – лишь кажутся большими, но самое большое находится на периферии существующего мира, на периферии нашего зрения, пока ещё за пределами имени и языка. Для развёртывания идеи, записанной выше, безусловно, требуется иной объём, чем предполагается форматом предисловия к сборнику стихотворений, но сам этот эйдос является в некоторой степени оправданием существования и поэзии, которая наиболее универсальный и независимый от носителя, инструментальный миростроитель-

ства, и стихотворца вообще, и данной книги. Книги, которая настоль «детальна» (в значениях – атомарна, субъективна), что и не слишком нуждается в читателе, поскольку несёт иные менее эгоцентричные функции – например самоосознание / самоназывание одного из фрагментов этого мира, в котором из кластера в кластер (пространственно-временных) происходит одно и тоже:

*... А ты построил Вавилон,
ты выверил чертеж до точки.
Но будет голос. Это он
смешает языки и строчки.*

Антидефрагментация существования в полном его объеме не в наших силах, но каждому из нас даны свои «шесть соток», которые мы можем «правильно назвать» и сохранить – подъять их суть, их основу, их детализированную основу и цельность. Лучше всего пока это получается у поэтов. Потому они всё ещё здесь с нами. Должен же кто-то называть вещи их «точными именами», которые для большинства тварей, до самого их исхода, остаются неузнанными.

А поэзия? Поэзия людям не нужна. И это правильно. Но она пишется – потому что нужна. Тому, кто за пределами нашей книги, нашему главному автору. Оттого она и есть, чтобы обозначить память о его присутствии за кадром:

так время резко вывернет наружу
за локоток
так кромки медленно касаясь
береговой
ладонью прирастаешь к краю
и – над водой

Александр Петрушкин

И будет день. И будет снег
похрустывать, как хлеб вчерашний.
Ты строишь здание навек,
но этот Вавилон – бумажный.

И будет свет. И будешь ты
молиться о желанной манне.
Но снег стирает все черты,
и крошки хлеба нет в кармане.

А ты построил Вавилон,
ты выверил чертеж до точки.
Но будет голос. Это он
смешает языки и строчки.

Девочка-полуночица
тонкая, словно свечечка.
Шарики одиночества
на иголочках вечера.

Тихо жила неделями,
вились беседы чайные.
Круглое изумление
звякнуло в блюдце нечаянно.

Светят осколки мятные –
строчки эти недлинные.
Листья твои квадратные
падают в глушь полыннюю.

Зачем мне твои дороги,
южные яблоки спелые?
Знаешь, наверное, Богу
удобней писать по белому

Перо обмакнув золотое
в парное души молоко,
он что-то выводит простое
легкой своею рукой.

А сердце ждет страшного знака –
точки в карандаше.
и очень хочется плакать,
но плакать нельзя уже.

...с холма спуск такой пологий.
А тучки – овечки белые.
Все снятся земные дороги
и южные яблоки спелые.

Был редкий день, когда открыв глаза,
смотреть на землю легче, чем на небо,
когда украдкой снегопад сползал
с высот под ноги. И просила хлеба

Холодная дрожащая рука
На паперти. Не чувствуя разбега
толпа щедра воскресная, легка...
замрет в ладонях смуглой каплей снега.

Прозрачные прохожие плывут
в напевах о тепле и урожае...
и только дворники соображают.
как будет тесно, если снег сожгут.

Только снег и песок, только снег,
снег и то, что без слов будет ясно.
Будет «я»... Будет «ты» – ты еще не пришел по зиме –
и какая-то глушь, или тишь (или ты, или спишь – и прекрасно).

И готовая эту-то вязь раскрыть на куски
между двух городов словно лес рубит кардиограмма,
заклученная в тоненьких «если» елейной тоски,
упрошенная тем, что мы снова, как папа и мама...

Молчишь. Ну, а я где-то между двух точек на карте:
направо-«эм\же». В кафе-бутерброды с салами.
Пятнадцать минут остановка, и дальше-по карте.
Не знаю – длиннее Челябинском или Каслями.
Одна из колонок орет, что «тебя не хватает»,
а я, представляешь, смеюсь, потому что – обнимет.
Муж сушит феном носки – у Ленки, там, на Алтае.
Но – все: уезжаю в Магнитку, чтоб день прожить с ними.
В дороге два дня: напридумывать судьбы прохожим,
читать «про реальность», в окно улыбаться беспечно...
– Радость моя! (И ты моя радость. Тоже).
– Солнце мое! (А, впрочем, и это не вечно).

Отпускаю. Такси – на «Северный».
Ты в четыре казался моложе.
Я – весна. (Не близко? Да, с севера).
Только вот по утрам все то же –

Ни рубля нет, ни подзаголовка.
И сюжет опять неумелый:
взрослый мальчик картавил неловко,
золотая девочка пела.

В январе я тебя проживаю как свет,
как снег и как звон телефонных мелодий.
И однажды приду в этот дом,
где стоит осторожная елка
и слышится смех новогодний.

Тихо смотришь в глаза.
За спиною – играют, ворчат и по-птичьи
баюкают дети.
Растянулась дорога моя
на три года непрочного...
знаешь...

С новым годом тебя! Говори.
На пороге останься.
Подожди. Обними, а я просто
заплачу от счастья.

Для того и пришла.

-1-

Тебя проживать как свет,
как снег за тупым стеклом,
как осень, где листья не-
доходят в мой старый дом.

По выцветшим адресам
Кто-то другой живет.
Шершавые голоса
переключить. И вот-

Разуйся и пробегу
по летней цветной траве.
Мне пережить тебя не-
возможно, как и тебе...

-2-

Тебя проживать как свет,
как снег за тупым стеклом...

Мне пережить тебя не-
возможно, как старый дом
не хочет в себя пускать
чужих. И только ветра
по комнатам раскатать
сумеют сирень двора.
Разуйся и пробегги,
как ангели в облаках.
осталось прожить тебя и –
проснуться в твоих руках.

Будем снова – снежные городки
на дома похожие. С белых крыш –
листья новогодних афиш легки:
тяжелы шаги мои. Ночью спишь,

и мигают в раненой пустоте
имена, похожие на МинЗдрав,
прикипают на сердце да не те
и сказать-то некому: «Ты не прав...»

Сквозь ладонь сияет его рука,
но ни взять, ни вытерпеть... Дураки!
Тихим вздохом белых палат у ки-
нотеатра имени Спартака.

А тебе что оставить? Память ли?
Подведет, хоть наставь кресты
на руках, на губах... Неправильный
и совсем не любимый ты.

Оттого за одно сомнение
ночью капают чьи-то звонки.
Исключение. Исключение,
но уже не любимый. И

Прорастет твоё имя печалью
и деталями – дальше нельзя.
И достанется только молчание,
лишь молчание. От меня.

Два замочка на двери
некому открыть.
Будем вместе не курить,
пить и говорить.

И к утру понятны станут
лица изнутри.
Будем словно Ванька-встанька
и уедешь в три.

Тихо сплю. Не заболею.
чем я хуже той?
Назови меня своею
дурой золотой.

Обернется пропастью
невзначай душа,
развернется полностью –
вот и хороша!

Вот и не загадывай,
потому что – в хлам
и один. И дважды два
тоже пополам.

Пока, говорю, пока –
покуда неверный вдох
слоняется без огонька
как от суммы и до...

Тюремная немота
навалится в сухой –
и будешь на этих Тань
глазеть, как на водопой.

Они – на помин легки –
настояны на воде.
но как тяжелы их шаги –
с баяном на скороводе.

Русские по снегу –
и опять на «Вы».
Каблуки – в телегу –
иероглифы.

– По больному счету,
мы ведь не враги...
только крутим четки:
«Боже, помоги!»

Ждём! С лица навстречу
побежит когда
и придавит плечи
честная вода.

Километры ржавой крошки
испаряются и тают.
Говоришь – промокли ножки,
смотришь – ангелы летают.

Бессловесные, незлые,
чем-то на котят похожи.
А глаза-то – голубые,
а мороз-то – все по коже.

...называй это время исповедью моей:
Было у мамы три дочки да семеро сыновей.
Глупая, впрочем, условность – вон, как порог замело
зареву чудотворное, словно в немом кино.

Я буду марки покупать в киоске,
пластмассовые синие монеты...
Уже сентябрь срезает листья плоско,
под снегом спят задумчивые дети,

Растет трава, перебирая годы,
идут дожди, пронизывая веки.
Ты носишь мне кефир и бутерброды.
навек.

Номер, с которого ты звонил,
имеет весьма нетоварный вид.
В хлам сигареты, напрочь – огни,
сладкий ты доктор ты мой Айболит.
Йодом болит и уже горячо.
Молча идешь как повестка на фронт.
Молча и дешево. Я ни при чем,
если себя за себя выдаешь.
Сам ведь учил вымораживать дни!
Колется? Цифры стучат об лед.
Я не при чем, если это они
знают, как сердце себя выдает.
А позвончки без ручек молчат,
а позвонить – ни жена, ни сестра...
гонишь на скорости сто пятьдесят,
гонишь и гонишь да куришь «Петра».

Тогда ты поймешь, как я дошла одна
до железнодорожного полотна;
по обе стороны льда и весеннего света —
дорога одна, и та до конца длинна.

Руки тянуть навстречу — да в узелки;
так женщины ткут полотно на размер реки,
от талой воды отогревают руки.
Вот так и мне льдинки твои близки.

Заговори первый о нас. Ты —
глубже пропасти. Так заговори стыд!
Застудив сотни верст черных полей и снега
след твой любимый вместе со мной простыл.

Тянется тонкая нить
Господи, без стыда,
это тебе любить,
это твоя вода.
Только привыкнешь жить
возле больших печей -
взять бы да накопить
денег да калачей.
Там, где стоишь – кричишь
купол и алтаря
вечность да не проспишь
и сохранишь меня.

Получи по заслугам: теперь все сестры с серьгами —
ты возишь на «Форде» жену, а я вновь бегу до аптеки,
хлюпаю носом. Краеугольный камень —
это все то, что между [как заговорщик некий].

Прячу лицо в подушку, чтоб только тебя представить,
вот набираешь мой номер, имя мое говоришь...
Холодные волны вспыхивают кострами.
И, в общем, неважно, с кем спишь, если просто спишь.

Я же простой синицей в ладонях твоих сидела,
день наблюдала деньской, а к вечеру — улетай!
Я не хочу по заслугам. И, собственно, в этом дело.
Не размыкай ладони, губы не отпускай...

когда подойдет январь
прозрачная как стекло
плывет по стране Москва
и ледяное тепло
губ не достать руки
на миллиметра три
и пристегни ремни
глупая пристегни
с точностью на километр
да или нет а то
буду ходить к тебе
в валенках и пальто
тундра плохая и
мама твоя права
Господи, пощади,
на миллиметра два.

Зацепились одной свечкою в лесу,
только дождь прижимал нас к земле,
чтобы под прикосновенья уснуть
и тихонько под ладонями тлеть.

И нанизывать любые слова
на кольцо соприкоснувшихся рук;
чтоб Господь дал часок или два
постоять с тобой на ветру.

Говорю тебе не потому,
что провисло время и открылось
всеми сторонами поутру.

Тихим вздохом вытаив слова,
укрываешь бреши зим и держишь
угольки каленые. Ова-

-ла лица запомнить в этот дождь
не посмеешь, но поспеет первый
снег. И потому так хорошо.

кто там идет каймою
изморозью в траве
если ты был со мною
так я не помню где
я бы не пропадала
след оставляя свой
все сапожок искала
да не по ноге раскрой
очи и отчей стаей
всех сороков и зим
стежки пересчитаем
сядем поговорим
вдаль поведет дорожка
хмеля и череды
вот тебе дегтя ложка
да на стакан воды
вот тебе сладкая доля
к сердцу не подпускать
вольному трижды воля
коли сумеешь взять.

Как ложкой скребут по тарелке,
так кошки скребут на душе.

Халаты, как белые белки,
на первом живут этаже.

Стеклоидно идут в коридоре,
и манную кашу несут,

И хочется сплюнуть от горя
в оранжевый слабенький суп.

Тепла не дают батареи,
и лампочка тускло горит.

И ночью, и днем на аллее
трёхцветная кошка сидит.

-1-

ни женой ни твоей ни его
стать бояться когда-нибудь
замерзает больней всего
прежде теплая круглая ртуть

расщепляется вещество
существова но вышел весь
не женой не рабой его
ни твоей ни его не здесь

стать и слушать когда-нибудь
развороченная стена
заколоченная вовнутрь
и не выжившая одна

-2-

вот и зашили реки
прожитые во вне
рыбы и человеки
звери и птицы снег
помнят прости остаться
голового по(ловца)
страшно как целоваться
стыдно как от Отца
не отвести (остаться)
не переспать (как есть)
стыдно как целоваться
страшно как не отвести

-3-

Найти иголку
не в стоге сена –
в пустом сарае,
найти и выжить;
и с краю села,
и села с краю.
И так до смерти
в глаза глядела –
нет хоть сказать бы! –
и так до неба
впивалась в тело,
не отпускать (бы).

Грозовыми плечами
головой моей
параллели ночами
голоса сыновей
за словами местами
не/вода у ручья
семь дорог или камень
три сосны два ключа
синеокая птица
злой котенок и Бог
это все что стучится
возле маминых ног
умираю поскольку
не земля не земля
небо может и птица
и наверное я

...обернувшись сглатываешь сушу
и на зубах песок

так время резко вывернет наружу
за локоток

так кромки медленно касаясь
береговой

ладонью прирастаешь к краю
и – над водой

Чудотворное оно дерево:
вот и растет – мается,
вот и болит – верю,
вот и живет – кается
листьями, листьями, ивами
тонут – плывут лебеди,
врастают в круги синие
богом своим и деревом.
Боком, похожим на облако,
на простыню белую...
словно стоишь около –
и самолет делаешь.

говоришь я еще живой
Бог спеленатый надо мной
все еще живой и молчишь
сотворил во мне и молчишь
тело есть и рубаха есть
и красным-красно воскресение
слово колом стоит и не то что лечь
но не вымолвить во спасение
под углом умом сдохни выдохни
домом выдох – ни
только выдохни.

Печальные после любви
навекы стоят на балконе,
как Спасы стоят на крови,
как воры в законе.
Балканку в руках теребя,
босые морозят ноги;
вздыхают – как люди – в себя.
И плачут – как боги.

...теперь и я должна ответить за заколоченные гвозди.
Живешь, и никому не светишь,
а после –

водой каленой разольешься, и без разрывов
родишь, как заново взорвешься.
И – живы.

Скажи мне, как их забивают? Короче,
длинна ли исповедь у края?

Как хочешь...

... почему-то ты пишешь не я
и бумага свинцом разливается
по рукам и по красным полям
заикается

как язык у женщины той
снизу на луну лающей
пережевывает постой
на еще!

потому что темна земля
Богу сыну и тополя.

Вот такая она, свобода,
яблоком катится по подушке,
вверх ногами опускается в воду,
руки тянет, обнимает и душит.
Отражается в воде земляника,
бьётся сердце земляничного царства;
вот такая она молитва
в спелых храмах твоего государства...

А ты говоришь: «Вставай!»
усталый, голодный, злой,
как запоздалый трамвай,
как утренний дворник с метлой,
сгребая сухую листву,
не ведает, что творит –
сжигает во сне листву,
а это весна горит.
И кучи ворочая, и –
в горячей идет траве –
усталый, слепой глядит,
и – выключает свет.

По лопаткам по твоим девочка
по ладоням по твоим ртом –
переломанная веточка,
обескровленная потом.
по всему твоему сиянию –
как по руслам твоих рек –
языком и воспоминанием,
немотой говори век.
катись яблочком по тарелочке!
(как темны по утрам круги)
смотришь, смотришь – твоя девочка,
а моргнешь – не твоя. Спи.

Дивная моя птица
чистое мое поле
солнце на трех спицах
логины и пароли
вон Симеон рыбачит
весь в преподобном снеге
мальчики девочки значит
рыбы и человеки
птицы и все святое
будет тебе – и сына
личико золотое
ёжики и малина.

Любовь моя – тоже мне девочка –
что из угла глядишь, выскочка?
На этот лист в клеточку,
на клетчатый плед в дырочку?
Ходишь по льду босая – и
дрожь оживает под кожей,
смотришь, рукой касаешься,
на дочку мою похожая, –
чудо мое влюбленное,
толку просить, чтоб думала –
губешками обожженными
на молоко дула бы...

А.И.

И в воздухе сыром,
и в колыбели сердца,
и в голосе грудном,
которым свет горит,
я повторяю нас –
от сердца и до сердца –
ты только не умри.

Ты только не умри:
и в долгом полумраке,
катают фонари
в деревьях костяных.
я повторяю нас
в таком безумном страхе,

в любви.

Дочь моя плавает в твоей ванной
то кролем, то брассом, то Карениной Анной,
волны вздымаются, распластываются о стену,
волны пенные ей уже по колено.
Волны вздымаются, в небо уносятся брызги,
кто-то чужой ей уже наливает виски,
кто-то другой берет ее, гладит, целует плечи,
кто-то с ней будет, и будет спать в этот вечер.

Иглы мороза взрослеют, колются очень.
мыльная пена. Дети и внуки. Осень.

Ксении Котовой

Тихая моя – ты,
грустная моя – я
праздники и цветы -
девочка сентября.
Осень спалит нас -
Господи, твоих рук!
Господи, твоих глаз!
Господи, твоих...

К вечеру затоскуешь,
носом почти клюёшь...
Это ж во сне такую
выплачешь, засмеёшь-
ся колокольцем в омут –
не отводи глаза:
бедная, как икона,
страшная, как гроза.
Вон в телогрейке колет –
выстиралось белье.
Господи, слева колет,
справа – опять поёт.
Господи, ночью счастье,
а по утрам – грехи.
То есть по нашей части –
ангелы да стихи.

Обмани меня – брось ее, и приходи ко мне –
на выдохе-вдохе осени с зимою наедине.
Я завалю тебя рифмами, бумагами завалю.
Снега короткими письмами и разного рода «люблю».
Будем опять над вечером я – колдовать, ты – в постель.
Будем серьезно весело – «может быть, сменим дверь?
Ключики старые выбросим, чтобы она не пришла,
чтобы третья лишняя в дом к тебе....» Бла- бла -бла....

Обмани ее – брось меня и приходи ко мне.
на выдохе-вдохе осени. Зимой. Наедине.
Я славно кидаюсь тарелками и телефонами как...
Обмани себя – брось меня. Обмани меня – брось себя.
Обмани себя, брось себя.

Но не обманывай так.

Ни марта, ни февраля,
ни местности под рукой –
по бледному снегу я,
зашепченная тобой.

Касаясь плечом горы,
сворачивать горы, блин,
во-первых. И во-вторых:
искать, где сошелся клин.

Стоять, разливая чай,
на медленной высоте,
и провисать с плеча
во времени – в пустоте.

я расправляю небо
небо приемлет небо
до седьмого хлеба
рыбы и птицы снег
за руку водит Бога
голою по воде
что ты не спишь дорогой?
что ты дрожишь во сне?
вслух называешь воду
я ее в землю лью
я ее в землю – воду
и в небеса – чуть-чуть

Людмиле Сурниной

Имя звучит – речь,
звук, как начало таянья:
лед горит на костре,
ты здесь совсем не крайняя.
Ты здесь совсем не
(по) заповеди – по обычаю –
лед не горит на костре –
льду не гореть привычнее.
Ты ему повели
холода быть основой
самых основ земли
и – в рукавичку ежовую.
Ту, что из-под земли,
нашей уральской каменной, -
льду гореть повели –
это начало таянья.

Как у тебя живот
кто у тебя живет
кто там у нас распят
в доме где трое спят

Бог мне любовь или стыд
как у тебя живот –
болит?

Отпускаешь, идешь, идешь...
Ни за Родину, ни за воду.
А водицы-то ни на грош,
и как члены стоят заводы.
Прорастает в небо земля –
от того-то и птиц не видно,
что на солнышке не горят,
и под дождиком не обидно.
Это все она подняла
в твои волосы мои пальцы –
с кровью, солнце, отодрала
небо с солнышками на пальцах.

где плыли днем два раскаленных тела
там ангел наш заучивает нить
горячих точек на бумаге белой
соединить

пытается проглатывать морозы
желтеющих деревьев простыни
иди сюда иди за мною в воду
плыви

смотри в круги – кончается не время
и не любви запутанная речь
а просто воздух сбит в гортани белой
вдруг забывает течь

А на поверку вышло – только ты
к нему идешь в непроходимых снах,
соединяешь стрелки пустоты
в настенных механических часах.
И говоришь: не бойся, заживет,
хотя, казалось бы, чему болеть?
Но медлит нержавеющий завод,
вращаясь на ржавеющей игле.
И тянешь руки в зябкое тепло,
и хочешь профиль взглядом пересечь,
хватает воздух пересохшим ртом
и ощущаешь речь.

...и это все: звенящий колкий воздух,
несмелых листьев плавный поворот,
в ту сторону, где сглатывая воду,
из губ тончайший сладкий пар идет,

и замирает у лица, касаясь –
лица неровность повторяя вновь –
горячей кожи; и – уже не тая –
ложится снег на плечи как любовь.

И ты – огнем последней сигареты –
вдруг осветишь осенний этот лес,
и скажешь: Господи, я думал, песня спета,
а всё осталось здесь.

И дерево растёт, как дерево – вовне.
И крошится на стол то снег, а то посуда.
И речь лежит не в плоскости на дне
в досужих пересудах,
а там где нет ее. И это вещество –
всё золотая взвесь рассыпанных предлогов,
и выдохи мои, и вдохи твоих снов –
искрится на губах и падает недолго,

как снег и как дожди. И запах января –
дыхание двоих – друг друга повторяя –
на выдохе и вдохе говоря.

Такое в ноябре обычно снится –
в глухом бреду, на грани полусна –
метелью на стекле взлетают птицы,

и чудится не осень, а весна.
И чудится, что голос не надорван,
что капает, не время, а вода;

твой шепот слышен в лабиринтах комнат,
и комната тепла, как никогда;
и Анджелина Джоли, как мадонна

на постере, и смотрит в провода,
где птицы свой полет осуществляют
в полнеба. И садятся иногда.

А я боюсь, когда они взлетают.

ПОЛКОВНИК

-|-

Допустим, ты была одна.
Допустим, на рассвете
он понимал: она – беда,
когда жена и дети,
когда служебное жильё,
и должность, и погоны,
и он (практически, герой)
живым – из обороны!
Вернулся, а вокруг – тоска,
все те же лица, люди,
а он остался – в дураках,
и он зачем-то любит.
И ты заметил, что война
и мир – все бестолково...
Допустим, ты была одна,
кто знал его, живого.

-II-

И глядит из стороны – в сторону,
и стоит одна у окна,
и мечтает разделить поровну
и разлить, но не видит дна

у реки, у водохранилища,
у тоски, у врагов и друзей,
у молитвы – скажи, говори еще,
говори и – молчи о ней.

-III-

...приобщаю детали к делу:
вот твои окна в пятиэтажном доме на верхнем этаже,
вот крыльцо парадное, новое (вывеска), парковка,
машины нет (что касается машины, ее нет в этом городе, как и тебя нет –
более двух с половиной лет). Свет не горит уже. Не горит, говорю, свет.

Собственно, и время года (далась мне эта погода)
не подходящее нам (хотя значения уже не имеет).
А все же была весна. Ранняя – так теплее, то есть к истине ближе.
Пасха была в апреле, и я до сих пор слышу
звон мокрых колоколов.
Дверь отродясь закрыта (теперь и на ключ), а там ведь была любовь.

Возвращаю детали на место. Тебе одному известно,
сколько было сказано слов (в общем – немного).
подробности – в переписке. Там слова замещают все.
Остаются только «девочка» и «малыш».
Не спишь?

Любовь моя тоже
словно мороз по коже.
будь со мной, если можешь,
строже.

Счастье мое рыбачье –
не говорит, не плачет,
в долг не берет, не дает сдачи.
живет, значит.

Ирине Греховой

Я пишу, а в Каслях, говорят, дожди.
Кликни ссылку и лайкни: они идут.
Букву, строчку и фразу не укради,
и листы не топчи в городском саду.

И не плачь говоря о том, что молчанья нет,
не ходи в толпе, не ищи глаза.
не беги на свет, может, этот свет –
вовсе тот? Ну и что. Все равно нелзя:

ни цветы, ни листья. Не укради.
Ты же, собственно, знаешь – все хорошо.
Ты же, собственно, здесь; и твоей любви
хватит всем, вот увидишь. И дождь прошел.

СНЯЩЕМУСЯ ПОД УТРО

И говорить, и повторять «люблю»
в ночных немолчных тающих касаньях,
и замирать у рая на краю
от таинства родства и привыканья;

от этих слов, обернутых в твой свет,
от ниспадающих куда-то там пеленок;
стрекочущих кузнечиков в траве,
и горьких слез, как будто я – ребенок.

Ни снега, ни воды не надо.
Осипшим яблоком в пустом саду —
в протянутой руке посреди сада

удержишь на весу, как на беду.
И солнце, закатившись на ладони,
слезами растопляя тело льду...

На полуслове ты меня догонишь
в неярком свете к дому моему;
еще два шага — и уже не помнишь

звучанье твоих уст и полумглу,
и снег, и тьму на языках старинных,
где я тебя на свет переведу,

где я тебя на вдох переведу,
где я на жизнь тебя переведу,
на свой язык тебя переведу.
Недлинно.

Вечно вот так вот первая
заговоришь Богу:
Господи, Господи, белая
женщина и дорога...
И в запотевшее зеркало
выдохнешь слово в слово:
я ничего не сделала.
я – ничего плохого.

тьма растет под окнами
Господу и детям
все с глазами мокрыми
и за все в ответе
мать отец неузнаны
дом горит и стынет
а откроешь – вот они
буквы-то простые

Стеной стоит вода –
погода/непогода –
снег движется туда,
где коромысло входа;

где я к тебе иду
по лаковому насту,
по липовому льду,
по ласковому счастью.

Воздушны снегири
и трепетно взлетают;
а мы всё говорим,
себя перебивая.

выучив твои родинки
небо твоё и твердь
я понимаю – родина –
это почти что смерть

это как небо августа
звездное молоко
хочешь упасть пожалуйста
хочешь взлететь легко

выучив твои запахи
краски карандаши
я поняла для старости
мы на один аршин

складочки твои вызубрив
словно свои грехи
я поняла любовь твою –
это мои стихи

В серии «Только для своих» выпущены

в 2015 году:

Наталия Черных (Москва). Четырнадцать
Александр Петрушкин (Кыштым). Подробности
Александр Павлов (Армавир). Недолет
Вадим Балабан (Троицк). Нулевая палата
Изяслав Винтерман (Израиль). Огонь на двоих
Владислав Семенцул (Екатеринбург). Трубка полого снега быстрого бега
Янис Грантс (Челябинск). Конъюнктивит
Дмитрий Машарыгин (Озёрск). Всё проще
Алексей Мишуков (Украина). Дядька Иван
Эдуард Учаров (Казань). Трёхколёсное небо

в 2016 году:

Иван Клиновой (Красноярск). Варкалось
Андрей Дмитриев (Нижний Новгород). Орнитология воды
Григорий Гаврилов (Орёл). Граница всего
Сергей Ивкин (Екатеринбург). Голая книга
Ольга Злотникова (Минск). Паства
Андрей Тавров (Москва). Снежный солдат
Вадим Гройсман (Израиль). Белый камыш
Нина Александрова (Екатеринбург). В норе
Кирилл Новиков (Украина) дк строителей / и / пиво крым / и / младенец воды
Ольга Аникина (Москва) Картография
Аркадий Застырец (Екатеринбург) День шестой
Андрей Санников (Екатеринбург) Мирись. Прощайся
Маргарита Ерёменко (Касли) Всё осталось здесь

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ
СЕРИЯ «ТОЛЬКО ДЛЯ СВОИХ»

Маргарита Ерёмко
ВСЁ ОСТАЛОСЬ ЗДЕСЬ:
книга стихотворений

Редактор-составитель
Александр Петрушкин

www.lulu.com
www.promegalit.ru

Подписано в печать 10.03.2016 г.
Формат: 148x148 1/16
Тираж: 400 экз.